

Бои в окружении в деревне Уомаа (Уомас)

Добавил(а) Administrator

03.09.12 14:30 - Последнее обновление 03.09.12 14:42

Герой Советского Союза полковник [И. ЗИНОВЬЕВ](#) погиб в плену у немцев в 1942 году. В финскую войну он был капитаном НКВД. С его воспоминаниями знакомимся так же благодаря участнику форума ["Окренности Петербурга"](#) с ником *slawa2312*.

БОЙ В ОКРУЖЕНИИ

13 января 1940 года на петрозаводском направлении финского фронта я принял роту. В

Бои в окружении в деревне Уомаа (Уомас)

Добавил(а) Administrator

03.09.12 14:30 - Последнее обновление 03.09.12 14:42

нашу задачу входило охранять склад боеприпасов в селении Уомас и прилегающие к дороге.

Обстановка к этому времени усложнилась. Наши части, двигаясь в нескольких направлениях, вели трудные бои в лесах. Они глубоко вклинились в расположение противника.

На некоторых участках фронта крупные отряды белофинских лыжников, просочившись между нашими наступавшими частями и соединениями, выходили им в тыл и на фланги. Сплошного фронта в лесах не было и не могло быть.

В свою очередь многочисленные белофинские группы были охвачены с флангов и фронта вновь подходившими и вступавшими в бой частями Красной Армии.

Сопrotивление и контратаки белофиннов на главном направлении нашего удара были ожесточенными. Не менее силен был их нажим и на те наши подразделения и части, которые сбоку вклинивались в глубину вражеского боевого порядка.

17 января район вокруг селения Уомас (приблизительно 800x500 метров) оказался в окружении белофиннов. На этом участке находились: моя рота, еще одна стрелковая рота с приданными ей четыремя орудиями: двумя 76-миллиметровыми и двумя 45-миллиметровыми, и танковая рота. Положение наших подразделений, окруженных в этом квадрате, было очень тяжелым. Выйти из окружения и пробиться на соединение с нашими частями мы не могли по двум причинам. Во-первых, мы понимали свое значение как отряда, не только окруженного, но и действующего в тылу крупных белофинских частей. Во-вторых, на складе, который мы охраняли, было огромное количество боеприпасов, но не было ни одной бочки с горючим. Танковая рота не могла двинуться с места. Весь конский состав батареи имел ранения. Танки и орудия превратились в неподвижные огневые точки. Выходить из окружения — значило потерять крупную боеприпасов и бросить батарею и танки.

Кто же из нас мог бросить боевую технику? Мы все разделяли чкаловскую заповедь: не бросать машину, пока есть хоть какая-нибудь надежда на ее спасение. Правда, мы помнили также и сталинские слова: «наша жизнь нам дороже любой машины». Но свою жизнь мы не собирались отдать дешево.

Можно было попытаться открыть дорогу полку, наступающему с востока. Только два километра отделяло нас от него. Но эта двухкилометровая полоса стала опорным пунктом сопротивления белофиннов. Здесь в труднопроходимом лесу сосредоточивались большие силы противника. Как потом выяснилось, на наш отряд, окруженный в Уомасе и насчитывавший едва 250 штыков, был направлен удар 2-го егерского белофинского батальона, двух батальонов 34-го пехотного полка с большим количеством минометов, пулеметов, малокалиберных орудий, да еще нескольких крупных самостоятельных лыжных групп.

Легкий танк, который был в моей роте, имел немного горючего. С этим танком две группы бойцов провели глубокую разведку полосы окружения. К вечеру после короткого боя танк и бойцы вернулись. Сопrotивление противника было организовано крепко. В нашем тылу, в лесу, по направлению к наступающему пограничному полку, уже возникли завалы, блиндажи, единственная дорога была минирована.

Ми перешли к активной обороне. Танки, хотя и лишенные возможности передвигаться,

четыре орудия, большая насыщенность подразделений пулеметами и гранатометами, склад боеприпасов, который находился у нас под боком, все это давало возможность оказывать долгое и сильное сопротивление противнику. Главная наша задача была: сохранить боеприпасы, танки и орудия и закрыть белофиннам отход через Уомас. Как я уже сказал, мы были расположены на почти квадратном прямоугольнике. В северо-западном его углу находилось селение Уомас. Там был склад боеприпасов и располагалась стрелковая рота. Восточную сторону квадрата занимали танки и моя рота, а почти посередине его на поляне стояла батарея. Положение моей роты было явно невыгодным. Вплотную прижатые к неподвижным танкам, мы занимали только опушку леса.

Впереди нас на расстоянии 200 метров поднималась поросшая лесом возвышенность. Не надо было обладать особыми тактическими талантами, чтобы понять создавшуюся обстановку. Моя рота, танки и пушки, расположенные в низине, простреливались с этой высоты. Что делалось за высотой, мы не видели, зато с высоты было хорошо видно нас. Если бы белофинны крупными силами успели занять эту высоту в правом углу нашего прямоугольника и укрепить ее, нам пришлось бы сосредоточиться на льду близлежащего озера; или на поляне в центре. Это грозило бы гибелью отряда. Решение надо было принимать быстро, и я начал оборону с наступления. В ночь с 17-го на 18-е января я выдвинул роту на высоту и коротким ударом выбил оттуда небольшую группу финских разведчиков. Это было сделано вовремя.

18-го утром белофинны с трех сторон повели свою первую атаку на занятую нами высоту. Она была ключом нашей обороны, и белофинны это понимали. У нас еще не было окопов, укрытий, землянок. Вокруг стоял лес, трещал пятидесятиградусный мороз, было вдоволь снега,— и это все.

Перед атакой белофинны провели сильную артиллерийскую подготовку, в которой участвовали и минометы. Мы молчали. Бойцы-танкисты разворачивали танки на руках. Укрывшись за деревьями, мы ждали начала атаки, и настоящий огневой бой приняли, когда противник приблизился на 100—120 метров.

У меня было семь ручных и два станковых пулемета. Лес на скатах высоты сокращал возможность эффективного обстрела противника на нормальных дистанциях. Я расположил пулеметные расчеты так, что все направления, по которым мог наступать противник, простреливались перекрестным пулеметным огнем. Но траектории пулеметных очередей перекрещивались лишь на расстоянии 80—90 метров от нас, именно здесь мы создали огневую пулеметную завесу. Немного дальше падали снаряды танковых пушек.

С танками мы сработались быстро и первую же атаку отбивали в тесном взаимодействии с ними. Командир танковой роты тов. Краснов сделал все, что было в человеческих силах: вручную развернул танки в нужном направлении и поддержал нас огнем своих пушек.

Эта первая атака обошлась нам дорого. Вокруг то и дело падали раненые и убитые. Но к трем часам дня нажим противника ослабел.

Атака возобновилась лишь к шести часам вечера, когда совсем стемнело.

В начале боя в моей роте было 85 человек. Она отбивала атаки почти четырех батальонов белофинской пехоты. Связь между нами, батареей и другой ротой была перебита неприятельскими минами. Радист возился, прилаживая танковые аккумуляторы к своей радиостанции. Бойцы не спали больше двух суток. Я знал, что они

Бои в окружении в деревне Уомаа (Уомас)

Добавил(а) Administrator

03.09.12 14:30 - Последнее обновление 03.09.12 14:42

держатся на ногах лишь огромным усилием воли. Когда кончился ночной бой, я вместе с политруком роты Степаном Черкалиным подсчитал потери. Но считать раненых за "потерю" было, оказывается, преждевременно. Только один из них, тяжело раненный в голову, выбыл из строя. Остальные заявили, что из боя не выйдут.

Ночь прошла в непрерывной перестрелке. Ночью же встал вопрос о боевой подготовке красноармейцев. Дело в том, что в первом же бою из моей роты белофинны выбили четырех пулеметчиков. Не все бойцы умели владеть пулеметом. Пришлось немедленно заняться обучением всех бойцов роты пулеметному делу.

В перерывах между перестрелками бойцы отрыли ячейки для стрельбы лежа, восстановили связь между подразделениями.

19-го были отбиты еще две атаки белофиннов. В эту ночь политрук Черкалин обошел бойцов роты. Каждому он сообщил об итогах вчерашнего и сегодняшнего боев. Сегодня выбыло бойцов из строя в десять раз меньше, чем вчера. Нас спасали окопы. В эту ночь бойцы вырыли окопы еще глубже, из них можно было стрелять уже с колена.

20 января белофинны повели атаку не только на нас, но и на Уомас, т. е. на стоявшую там роту. Эта атака запомнилась мне на всю жизнь.

Минометная подготовка атаки длилась больше двух часов. Снег вокруг почернел от разрывов мин. Непрерывный пулеметный огонь со стороны противника нарастал с каждой минутой, пули, как дятлы, стучали в сосны. И вдруг все стихло. Неприятная тишина.

— Идут!—сказал рядом со мной красноармеец Самсонов. Раненный в ногу, он лежал за огромным, поваленным деревом и бережно укладывал вокруг себя приготовленные для боя гранаты.

Белофинны действительно шли. Лес кругом завизжал вдруг истошно и пронзительно: - Аля-ля! Аля-ля! Аля-ля!

Перебегая, прячась за деревьями, белофинны бросились в атаку. Мы подпустили их близко и встретили шквалом огня. В сосновом редком лесу всегда можно найти выгодные секторы обстрела.

— Товарищ командир, сказал Самсонов хрипло,— помогите!

Я обернулся. Левая рука бойца, перебитая пулей немного ниже плеча, беспомощно висела вдоль туловища. Это была его вторая рана. Я полез за бинтом в сумку.

— Расстегни шинель.

— Я не о том,— нетерпеливо, словно сердись на меня за недогадливость, сказал Самсонов.— Помогите перезарядить винтовку — одной рукой неспособно.

В момент наивысшего напряжения боя у меня на командном пункте запел телефон. Растерянный голос из Уомаса кричал в трубку, что командир взвода Азбукин отрезан белофиннами справа; что рота сбита и отходит в мою сторону; что высота, господствующая над местностью слева, возле села, захвачена белофиннами.

Насколько мог вежливо я попросил передать командиру роты, что отступить ни в коем случае нельзя. Черкалин стоял возле меня, когда шел этот неприятный разговор, и одобрительно кивал головой. Я предложил единственный выход — взять высоту обратно и ликвидировать окружение Азбукина.

Больше из Уомаса не звонили, но уже через две-три минуты мы услышали, как часто стали рваться гранаты в селе, услышали трескотню пулеметов, увидели, как стали перебегать через поляну, отходя, белофинские лыжники.

В это время телефонист подал мне трубку и попросил послушать происходивший

разговор. Тот же голос, но теперь уже сухо и деловито передавал командиру батарее приказание открыть огонь.

— У меня все лошади перебиты,— говорил командир батарее.— Орудия стоят на открытом месте.

Голос из Уомаса звучал на этот раз непреклонно:

— Товарищ лейтенант, приказываю немедленно открыть огонь всеми орудиями по высоте, где сосредоточиваются белофинны.

Растерянности уже не было и в помине. Шел настоящий командирский разговор. Через пять

минут батарея открыла огонь. В этот же день она уничтожила три огневые точки белофиннов и заставила отойти противника, занимавшего одну из выгодных высот. Нам удалось расширить свой квадрат, устроиться удобнее, вывести и на эту высоту часть бойцов. До самого конца боев наша батарея успешно вела огонь, отбивая одну атаку врага за другой.

На своем левом фланге противник силой до роты усиливал нажим. А у нас правый фланг защищали всего четыре бойца с командиром отделения Альмакаевым во главе. Этот беззаветно храбрый командир в течение четырех часов без перерыва вел огонь по наступавшим белофиннам. Бойцы сбросили шапки, расстегнули шинели. Когда они клали винтовки на снег, снег шипел,— так раскалилось оружие.

На пятерых смельчаков бросилась сотня белофинских лыжников. Белофинны уже не прятались, перебежали в рост. Их офицер крикнул:

- Сдавайтесь!

Альмакаев выскочил на гребень окопа. С двумя гранатами в руках он стоял на виду у нас и у противника, который подходил без выстрела.

— Сталинцы никогда и никому не сдаются.

В белофиннов, полетели ручные гранаты. Ряды врага смешались, произошла минутная задержка.

Белофинны столпились на открытой поляне, ранее пристрелянной нами, и это заметил старший лейтенант Ибрагимов. По его приказанию с двух сторон к месту боя подползли два пулеметчика, и белофиннская рота попала под перекрестный огонь ручных пулеметов, танковых пушек, под гранаты отделения Альмакаева. Она была уничтожена почти полностью.

Так окончилась пятая атака на участке нашей обороны. Начался непрерывный огневой бой. Белофинны решили усилить сеть своих огневых точек и взять нас измором.

Но оказалось, что это не так просто. Мы все глубже и глубже зарывались в землю, строили блиндажи. Финские минометы и пушки заготовили для нас немало материала.

Мы даже построили «кухню» и на девятый день боев испекли в золе первую горячую лепешку. Ротный повар, уже раненый к этому времени, торжественно принес ее мне «на экспертизу». Ужасная была эта лепешка, но раз горячая - значит вкусная.

На складе была только мука. Но ведь на батарее имелись раненые лошади, и мы питались кониной. Только двух лошадей удалось сохранить и вывести. На них все время по ночам доставлялись бойцам боеприпасы из склада. Этих коней бойцы горячо полюбили.

Белофинны крепко взяли нас в клещи. Прошел январь. Все чаще и чище обнаруживали мы появление новых пулеметных точек противника. Изредка повторялись атаки. Под снегом лежало уже немало бойцов из нашего гарнизона. В «госпитале» — в землянке,

где можно было лежать, тесно прижавшись друг к другу, мы устроили наших тяжело раненых. Нераненых в роте вообще не осталось, если не считать двух счастливицев — политрука Черкалина и Альмакаева. Их, как говорили бойцы, не брала пули.

О нашем «госпитале» можно написать целый роман. Бойцов лечил дважды раненый фельдшер. Тяжело раненые бойцы возвращались в строй, хотя они едва могли ползти. Я никогда не забуду, как люди, которые не могли двигаться, а могли только шевелить руками, устроили в «госпитале» собрание, на котором было решено просить командира позволить им хотя бы набивать ленты и обоймы патронами.

Нередко к окопам подползал не владеющий руками раненый боец, на спине у которого были привязаны пулеметные ленты. Тот, у кого были целы руки, укладывал ему на спину патроны. Как ползли, как находили в себе силы для подвига такие люди - трудно объяснить. Обыкновенными словами нельзя рассказать о необыкновенной доблести. Я ждал всего. Где-то внутри гнездилась боязнь, что бойцы не выдержат страшного напряжения непрерывного боя. Есть ведь предел человеческой выносливости, думалось мне. Возможно что это так, но оказалось, что выносливости большевиков предела не существует. К началу боя в роте было пять членов партии. Во время боев мы приняли в партию тридцать два человека.

Ночью наше партийное собрание рассматривало вновь поступавшие заявления о приеме в партию. Бойцы писали их карандашом на клочках бумаги, на носовых платках.

Партийные собрания были короткими. Отводов не было. Много позднее, когда меня попросили составить список представляемых к правительственным наградам, я попросил политрука Черкалина дать мне список всех бойцов роты и передал его командованию целиком.

Белофинны готовились к решающей атаке. Мы это чувствовали. Но к этому времени танковые аккумуляторы уже работали, и наша радиостанция передавала и принимала сообщения. К фронту подошел и начал нас поддерживать своим огнем гаубичный полк. «Как это так?» — спросят меня.—Очень просто. К этому времени усилился нажим на белофиннов наших подходивших частей. Двухкилометровая полоса, отделявшая нас от своих, сократилась до одного километра. Мы находились в окружении, но гаубичный полк, связанный с нами при помощи радио, мог осуществлять теснейшее взаимодействие с нашими подразделениями.

Единственное, что мешало нам— это отсутствие приборов для корректировки огня.

Ориентиром для целеуказания была разрушенная церковь в Уомасе. Команды на батареи мы передавали так: Севернее - метров 100, западнее - метров триста».

Конечно, наши сообщения были шифрованы. Решающей белофинской атаки 17 февраля мы, очевидно, не выдержали бы, если бы действовали разрозненно, без взаимной огневой связи. Но к этому дню все поняли, что значит взаимодействие в бою.

Направления возможного удара белофиннов были пристреляны нашими орудиями (и батарейными, и танковыми) и нашими пулеметами. Подход резервов противника бы отрезан огнем гаубичного полка. Рубежи сосредоточения белофиннов на исходном положении атаки бомбила наша авиация, обстреливали гаубицы.

— Десять—десять—десять,— выстукивал радист,— так передавался срочный вызов огня артиллерийского полка и одновременно вызывалась истребительная авиация. К этому времени мы уже не ели конины. Наши самолеты сбрасывали нам продовольствие, медикаменты. К тюкам были привязаны письма. Политрук Черкалин читал их вслух.

— Бейте гадов,— писали летчики.— В любой момент мы с вами...

Бои в окружении в деревне Уомаа (Уомас)

Добавил(a) Administrator

03.09.12 14:30 - Последнее обновление 03.09.12 14:42

И бойцы знали, что летчики действительно с нами, что в самую тяжелую минуту помощь придет отовсюду — с земли и с неба.

Был такой случай. Белофинны выслали парламентаров с белыми флагами. Они не подходили близко, но кричали:

- Сдавайтесь! Надежды нет! Вы окружены со всех сторон!

- Про небо забыли!— кричали им бойцы.— небо над нами свободно. Обо всем трагическом и радостном, обо всем героическом, что произошло в эти дни, не расскажешь. Запомнились лишь отдельные эпизоды.

Когда началась атака 17 февраля, мне надо было обязательно передать пулеметчикам, находившимся на левом фланге, приказание о переносе огня. Я попытался выйти из окопа, но почувствовал, что меня сзади держат. Я обернулся. Рядом со мной в окопе стоял трижды раненый пулеметчик Иванов. Он цепко держал меня за шинель.

— Не пущу, товарищ командир,— сказал он хмуро.— Незачем вам ходить. Чего нужно, я передам.

И этот искалеченный боец, с разбитой головой, с пробитой навывлет грудной клеткой, выкатился из окопа и так, перекатываясь, добрался все-таки к пулеметчикам на левый фланг. Приказание было передано, огонь был перенесен вовремя...

Белофинны наседали небольшой их отряд, но все же в несколько раз превышавший численностью остатки моей роты, обогнул завесу орудийного огня и за деревьями приблизился к нам вплотную.

Наши фланговые пулеметы отрезали подход новым группам противника, но та, которая успела прорваться, была от нас уже в 30-40 шагах. Некоторые белофинны стреляли из-за деревьев, некоторые залегли. Пошли в ход гранаты. Несколько раз я видел, как бойцы ощупывали руками: крепко ли примкнуты штыки к винтовкам. Трофейные финские ножи были воткнуты в снег рядом с бойцами—ближе доставать.

Отлично работали напарники—гранатометчики и стрелки. Разбившись по-двое, бойцы разделяли труд боя. Одиночка-гранатометчик на таком расстоянии был бы слишком хорошей целью для финских солдат. Стрелок-напарник гранатометчика не давал врагам высовываться и подниматься, когда гранатометчик кидал свою «грушу». Обычная попытка противника подняться из-за укрытий сразу же после разрыва гранат наказывалась меткой пулей.

Так прошло два часа. Стена разрывов придавила к земле прорвавшуюся группу белофиннов. Пулеметы и танковые пушки отсекали им дорогу назад.

В одном из первых окопов стоял все тот же красноармеец Самсонов, теперь уже кандидат коммунистической партии. Левая рука его омертвела. Он научился стрелять и бросать гранаты одной рукой и из боя не уходил. Он так же нес боевые наряды, как и все остальные бойцы, отвергал всякие льготы, которые ему предлагали. Самсонов вышел из окружения вместе со мной и получил звание Героя Советского Союза...

У нас осталось только два танка, способных вести огонь. Остальные были разбиты. Было подбито одно орудие. Но все чаще и чаще над нашими головами проносились краснозвездные эскадрильи, и на наших глазах буквально поднимались в воздух целые холмы, занятые врагом.

Атака 17 февраля была отбита с большим уроном для белофиннов. Как мне потом передавали в штабе, вокруг наших подразделений полегло их немало.

Белофинны поняли, что взять нас в лоб им не удастся. Атаки прекратились.

Когда белофинское кольцо распалось, я вывел из окружения около шестидесяти бойцов

Бои в окружении в деревне Уомаа (Уомас)

Добавил(а) Administrator

03.09.12 14:30 - Последнее обновление 03.09.12 14:42

своей роты. Много? Дело в том, что к нам подошло пополнение. Через двухкилометровую полосу, занятую противником, к нам пробилась четырнадцать красноармейцев, которыми руководил боец нашей же роты Иванов, оставшийся при штабе батальона.

Этот боец организовал по заданию штаба батальона команду, прошел с нею полосу окружения, прорвался к нам и доложил:

— Товарищ командир, красноармеец Иванов прибыл с командой лыжников в ваше распоряжение...

В 12 часов ночи наша маленькая радиостанция всегда переходила на прием. Мы хорошо слышали Москву, слышали Красную площадь. шум машин, звон кремлевских курантов. Потом раздавались звуки «Интернационала». Мы обнажали головы.

В эти минуты мы клялись умереть, но не сдать. Мы не сдались. Многих потеряли, но добыли славную и трудную победу. Иначе не могло быть. Каждый из нас любил повторять слова Альмакаева, которые он крикнул белофиннам, крикнул в лицо смерти: — Сталинцы никогда и никому не сдаются! Удивительный народ—сталинцы! В аду, у ста чертей в зубах они находили в себе силы на смех, на шутку. Я видел их в таком огне, какой редко доведется видеть в самом жарком бою. Ни жалоб, ни стонов, ни криков! Но когда разведчики донесли мне, что справа двигается организован по заданию штаба батальона команду, прошел с нею полосу окружения, прорвался к нам и доложил:

— Товарищ командир, красноармеец Иванов прибыл с командой лыжников в ваше распоряжение...

В 12 часов ночи наша маленькая радиостанция всегда переходила на прием. Мы хорошо слышали Москву, слышали Красную площадь. шум машин, звон кремлевских курантов. Потом раздавались звуки «Интернационала». Мы обнажали головы.

В эти минуты мы клялись умереть, по не сдать. Мы не сдались. Многих потеряли, но добыли славную и трудную победу. Иначе не могло быть. Каждый из нас любил повторять слова Альмакаева, которые он крикнул! белофиннам, крикнул в лицо смерти: — Сталинцы никогда и никому не сдаются! Удивительный народ—сталинцы! В аду, у ста чертей в зубах они находили в себе силы на смех, на шутку. Я видел их в таком огне, какой редко доведется видеть в самом жарком бою. Ни жалоб, ни стонов, ни криков! Но когда разведчики донесли мне, что справа двигается к нам группа людей с красными звездами на белых шапках, когда подошли к нам бойцы, командир и комиссар саперного батальона — первые вестники победы, то я увидел другое.

Самсонов - этот герой, человек из камня — прислонился к дереву, итти не может, дрожит, плачет.

Тяжело раненых выносили из «госпиталя» саперы. Они пришли к нам первыми, потому что , кроме них, не мог пройти сплошь минированными дорогами и тропами.

Вот что можно рассказать о наших боевых делах.

Читайте так же: [Выкинул из окопа свою руку.](#) [Перечень окруженных гарнизонов.](#)